

Роберт А. Денемарк

Терроризм в мировой системе (world-system): гипотезы о центре и периферии

Теории об общественных феноменах создавать трудно. Сложные ситуации, сбивающие с толку исторические контексты и расплывчатые концептуальные границы затрудняют развитие ясных идей о том, когда, почему и как возникает данный тип поведения. Терроризм не исключение. Ученые собрали богатый набор данных, построили классификации и использовали мощные статистические методы, но способность понять и объяснить терроризм остается иллюзорной.

Это неудивительно. Терроризм не автономное явление, напротив, он является частью социальной, политической и экономической системы, которую необходимо понять прежде, чем можно будет постичь роль террора. В свою очередь, теории об общественной организации в широком смысле очень сложно строить. В этой статье я покажу полезность анализа мировой системы для более глубокого понимания терроризма и построения гипотез о причинах его возникновения. У анализа мировой системы большие возможности. Он обеспечивает теоретически значимую дифференциацию стран по статусу и выявляет комплекс макросоциальных процессов, которые помогают понять причины и типы террора, встречающиеся в различных контекстах.

Эта статья состоит из трех частей. В первой части я рассматриваю функции и цели террора. Во второй части вводится понятие анализа мировой системы (world-system) и рассматривается структурная дифференциация государств, которую этот анализ позволяет осуществить. Анализ мировой системы вместе с дифференциацией статусов также предлагает пару макросоциальных циклов, которые существенно влияют на такие явления, как терроризм. Эти циклы описаны в третьей части, в которой

рассматриваются тенденции развития террора, предлагаемые каждым циклом для центра и периферии.

Терроризм

Терроризм – это действие с целью спровоцировать резкий страх, чтобы реакция на этот страх создала желаемое политическое положение. Небольшого размышления достаточно, чтобы понять, почему терроризм – феномен, который так трудно с точностью определить. Провокация острого страха во многом является частью нескольких разных видов действий. Большое разнообразие террористических акций и их исполнителей способствовало появлению нескольких мифов о терроре и затемнило различные его цели. В этом разделе я перечислю ряд ситуаций, в которых может возникнуть террор, рассмотрю популярные мифы, которые его окружают, и определю цели, общие для почти всех террористических акций.

А. Ситуации

Внушение острого страха путем «терроризирования» войск противника во время битвы – древняя стратегия, изначально проявлявшаяся в таких обычаях, как нанесение боевой раскраски или шрамов, формы, увеличивающие рост или размер человека, и пение. В наше время этому соответствует ряд действий: от создания артиллерийских снарядов, производящих характерные звуки, до использования сложных подрывных операций психологического характера. Террор может также быть тактикой во время революций. В период Американской революции солдаты целились из мушкетов в офицеров и устраивали засады, что тогда считалось терроризмом. А «террор» Французской революции, получивший там свое название, стал легендой.

Сам по себе террор может осуществляться несколькими видами группировок. Движения за независимость могут применять террористическую тактику против собственного правительства или против части населения. Местные группы, связанные с государством (то есть официально или неофициально поддерживаемые государством), могут использовать террор. Группировки, связанные с государством и действующие на международном уровне (получающие оружие, подготовку или деньги из-за границы, независимо от их

целей), тоже могут им пользоваться. Сами государства могут использовать террор как средство репрессий в отношении определенных групп или с целью добиться признания от всего населения. Учитывая разнообразие применений и контекстов, любая попытка построить простую аналитическую схему, чтобы объяснить феномен терроризма, имеет мало шансов на успех.

Б. Мифы

Это разнообразие ситуаций способствовало развитию мифов о терроризме, затрудняющих серьезное исследование. Мифы о том, что терроризм – это действия преступников или нездоровых людей и что терроризм – стратегия слабых и непопулярных – самые вредные. Группы быстро демонизируют своих противников, особенно если те используют нетрадиционные методы борьбы. Когда государства подвергаются «террористической осаде» (Walter, 1969), одной из первых реакций, как правило, становится стремление охарактеризовать задействованных в терроре как обычных преступников (Stohl, 1988: 11-13). Это тем более заметно, когда противников называют психически неуравновешенными за их противостояние государству или за их тактику. Придается большое значение любому нетрадиционному пункту в их биографии (семье, классу, религии или стране происхождения) и их предполагаемым политическим взглядам. Выводы всегда одни и те же: не задействованы никакие разумные политические альтернативы и, таким образом, не следует учитывать чего бы то ни было, кроме личных дурных наклонностей преступников и рода возмездия.

Второй миф заключается в определении терроризма как пустой стратегии слабых и непопулярных. С этой точки зрения, ни один политик с жизнеспособной программой никогда не пойдет на использование террористических акций и никогда террор не принесет успеха на политической арене. Следовательно, те, кто использует террор, проводят непопулярную политику и могут только пытаться навязать свою программу силой. И снова, незаконное поведение тех, кто использует такую тактику, избавляет от необходимости рассматривать что-либо, кроме меры наказания.

Оба эти довода неверны. Государства могут считать террористические акции преступлением и использовать уголовное обвинение для объявления оппозиционных

движений вне закона, но определять террористов как преступников – значит неправильно интерпретировать содержание их деятельности, имеющей различные цели, тактику и организационные особенности. Принятие исследователями терроризма определения террористов как уголовных преступников сильно повредит анализу.

Миф о том, что террористы тщетно пытаются навязать непопулярную политическую программу, также создает проблему, особенно в случае с государственным или поддерживаемым государством терроризмом. Государства могут финансировать преступные действия или ввязываться в них, но вряд ли могут признать это. И государства ведут борьбу не с позиции слабости. Напротив, террор принимается государством как эффективная политика нейтрализации определенной части населения (Denemark and Lehman, 1984). Она может быть нацелена на избранных людей (обезглавливание движения), заключаться в предотвращении действий достаточно большой части населения или в физическом перемещении групп населения из одного места в другое. Это не просто преступление, действие душевнобольных или тактика, избранная со слабой позиции. Определять терроризм таким образом – значит затемнять его содержание, намерения и логику.

В. Цели

В то время как эти мифы вводят ученых в заблуждение, более ясный взгляд на цели терроризма, которые, как я утверждаю, не меняются в зависимости от контекста, поможет нам понять его природу. Я рассмотрю четыре цели в порядке возрастания значимости: 1) привлечь внимание; 2) создать впечатление мощи; 3) заставить подвергающегося террору слишком бурно реагировать; 4) добиться исполнения некоего требования.

Все террористы, как государственные или поддерживаемые государством, так и действующие против государства, хотят внимания. Внимание – тот механизм, который способствует передаче страха, характерного для терроризма. Террористы, атакующие данную систему, стремятся к наиболее широкому охвату подходящих объектов. Больше всего подходят крупные, имеющие символическое значение, мишени, которые могут привлечь больше всего внимания вовлеченных групп населения или соответствующей прессы. Чем внезапнее и

сильнее страх, тем успешнее террористическая акция. В этом государственный террор очень мало отличается от индивидуального. Если государственный или поддерживаемый государством терроризм стремится повлиять на политическую активность данной группы населения, полезны как рассказы очевидцев, так и отчеты в прессе. Если государство действует против конкретных политических взглядов, средства массовой информации могут оказаться не особенно полезными, тогда как рассказы очевидцев об исчезновении, убийстве или попытках конкретных людей увеличивают действие акции, вселяя страх в тех, кто, возможно, имеет схожие политические взгляды, и побуждая их держать свои взгляды в тайне. В любом случае, внимание – центральный фактор террористического предприятия.

Вторая важная цель террористов – казаться очень могущественными. Силы, действующие против государства, способные провести крупные террористические акции, могут создать впечатление, что они гораздо более многочисленны и популярны, чем на самом деле. За государством, способным наказывать (террористическими методами) отдельных людей или группы населения, признается значительная неофициальная власть наряду с официальной. Последующие действия потенциальных диссидентов и даже высказывание случайных мыслей и критики могут быть предотвращены. Еще лучше, когда ответственность за террористический акт берет на себя какая-либо группировка, но никого не удается поймать. В этом случае государственный террор кажется вне пределов досягаемости закона, а заявления антигосударственных террористов о том, что власти слабы, беспомощны, продажны и недостойны поддержки, оказываются оправданными. Таким образом, наилучшим вариантом оказывается тот, в котором противник выступает как слабая сторона, а террористическая группировка кажется сильной и неуязвимой.

Третья цель террористов – спровоцировать слишком бурную реакцию. Государственный террор, имеющий целью предотвратить критику или формирование оппозиции, может быть направлен на менее известных диссидентов, чтобы заставить похоже настроенных пересмотреть свою позицию. Если государство наказывает малозначительных критиков, другие, разделявшие их настроения, могут не примкнуть к оппозиции. Антигосударственный террор также использует склонность к чрезмерной реакции. Во время Алжирской

войны за независимость партизаны подкладывали бомбы в автобусы. Целью являлась не система общественного транспорта, а реакция французов, которые окружали и избивали всех поблизости. Эта реакция была настолько непопулярной, что с каждым происшествием движение приобретало все большую поддержку (Fromkin, 1975).

Последняя цель терроризма – добиться удовлетворения конкретного требования. Эта цель последняя в списке, потому что терроризм рассматривает конкретные цели как второстепенные факторы своего сообщения. «Исчезновение» студента, не имевшего открытых антиправительственных взглядов, заставляет других студентов думать, что даже самое осторожное поведение не помешает правительству узнать о скрытом неодобрении. Если незначительный государственный чиновник или учреждение подвергнется атаке, это покажет остальным представителям правительства, что низкое положение не охраняет их от возмездия, и уменьшит значимость правительства и желание занимать в нем пусть даже самые незначительные посты. Не имеет значения, насколько важна или виновна жертва. Важно ощущение, а не сам факт. Поэтому конкретные требования могут иметь лишь отдаленную связь с реальными целями террористической организации и вместо этого могут быть связаны с жадой внимания, ощущением власти или сообщением глубоко символической идеи.

Анализ мировой системы: аналитика и статус государств

Оговорив мифы, сложившиеся вокруг террора, и уяснив себе его цели, можно понять, почему оказалось так сложно выработать общую теорию, прогностическую модель или хотя бы пригодную систематику терроризма. Столь многогранный феномен трудно понять и объяснить. Чтобы как-то разобраться с терроризмом, предлагаю рассмотреть его в контексте происходящих общественных процессов, которые помогут нам понять, как, где и зачем возникает террор. Для этого обратимся теперь к структуре и процессам мировой системы.

Анализ мировой системы

Отличительная черта перспективы мировой системы – рассмотрение мира как единого социального, политического и экономического целого. Анализ мировой системы отвергает

предположение (примером которому служат многие «дисциплинарные» исследования), что социальные, политические и экономические феномены могут быть рассмотрены как отдельные сферы анализа (Wallerstein, 1996; Denemark, 1999). Эта перспектива также отвергает такие традиционные единицы анализа, не включающие в себя все те процессы, которые играют решающую роль в социальном, политическом и экономическом развитии, как национальное государство. В конце концов, анализ мировой системы подразумевает, что социальные процессы не являются ни линейными, ни случайными. Эволюция систематики современного мира учитывает некоторые типы динамики. Эти изменения показывают импульс и направление, способствующие пониманию критических явлений. Террор – одно из этих явлений.

Перспектива современной мировой системы появилась во многом как реакция на неспособность науки понять проблему неразвитости. Эта несостоятельность проявилась в трех факторах. Наука поддерживалась идеологической директивой, игнорировала настоящую историю третьего мира и индустриально развитых стран, а также напряженную природу их взаимодействий.

В своей работе «Ступени экономического роста: не коммунистический манифест» У. Росту сделал попытку построить схему возможного успеха для третьего мира в случае, если он будет следовать политике развитых стран. Это была неловкая попытка объяснить недоразвитость, избегая выводов в стиле Маркса. Такая аргументация содержит имплицитное предположение, что история – в основном линейный процесс. Все страны могут идти по одному пути, если только следовать правильной политике. Неудивительно, что этот подход провалился, не предсказав устойчивую бедность третьего мира. Слово чтобы отместить опыт более ста бедных государств, «азиатские тигры» (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея) и странные неазиатские «чудеса» – Бразилия и Берег Слоновой Кости – были разрекламированы как примеры успеха процесса модернизации.

То, что в азиатском списке стояла одна колония, один город-государство и два государства передовой линии фронта холодной войны, мало беспокоило приверженцев курса модернизации. Политическая стабильность и правая ориентация якобы всегда приводили к успеху. Теперь, когда

холодная война закончилась, эти «тигры» могут считаться провалом. Успех Гонконга больше к делу не относится, так как он стал частью Китая. Причиной краха экономики Южной Кореи в 1992 году, в порожденном паникой кризисе, охватившем почти всю Азию, считается недостаточная приверженность экономической политике в стиле США. Радикальная земельная реформа на Тайване, основа его раннего экономического развития, не берется в расчет (Amsden, 1997). Похожие доводы приводились и после провала в Бразилии и Береге Слоновой Кости (Boansi and Denemark, 1999). В конечном счете, оказывается, что даже те пять или шесть процентов стран третьего мира, которые пошли по верному пути, недостаточно его придерживались.

Глобальная стратификация

Основываясь на провале теории модернизации, анализ мировой системы предлагает обратить внимание на несколько важных факторов. Первый из них касается разделения мира на группы богатых и бедных государств. С точки зрения модернизации, богатые страны следовали разумной политике, которой также легко могли бы следовать все страдающие от недоразвития государства. Успех одного государства не играет роли в успехе или провале другого. Первые ученые, рассматривавшие теорию зависимости, в частности, Гундер Франк (Frank, 1967, 1978) и Амин (Amin, 1973, 1974), напротив, утверждали, что богатые, сильные государства могут проводить политику, ставящую бедные и слабые государства в невыгодное положение, как в длительные периоды колонизации, так и за счет контроля мировой торговли и инвестиций в постколониальный период. Валлерстайн (Wallerstein, 1974) детально объясняет, каким образом функционировали эти отношения в обоих направлениях. Некоторые страны обогатились в какой-то мере за счет своих взаимоотношений с более бедными государствами, часто экспортирующими сырье. Бедным странам становилось сложнее извлекать пользу из глобальных возможностей из-за их отношений с богатыми областями. Для Валлерстайна, основателя теории мировой системы, эти критические взаимоотношения берут начало в период приблизительно между 1450 и 1600 гг. в Европе. Это период, когда развивался капитализм.

Валлерстайн начинает свой рассказ о Европе с того момента, когда была отвоевана Португалия. Португалия стала первым

современным (единым, капиталистическим, национальным) государством. Из-за напряжения в связи с войной феодальные формы правления были разрушены, и сформировалось правительство, способное мобилизовать ресурсы, строить корабли и облегчить выгодную торговлю.

Последовала урбанизация и монетаризация, импорт основных товаров – продуктов питания и горючего – из других областей. Так, Восточная Европа за приличное вознаграждение поставляла продукты питания на новые рынки Западной Европы. Импорт ресурсов позволило странам Запада продолжить развитие того, что мы называем «современной» экономической системой. В то же время ресурсы, поступающие в Восточную Европу, давали традиционным землевладельческим классам власть, достаточную, чтобы избегать предпринимаемых на Западе реформ. Власть землевладельцев и феодальных наделов росла, а централизованные правительства и торговый сектор постепенно отмирали. Западная Европа развивалась, а Восточная отставала (Denemark and Thomas, 1988). Эти отношения устоялись на многие годы. К нынешнему положению Восточной и Западной Европы их привели не единичные автономные действия, а постоянное взаимодействие в качестве единой системы. Не будем обманываться тем, что политические верхи, управлявшие системой, формально были независимыми. Те и другие были обитателями единой системы суверенных государств и общих рынков, стимулировавших их для дальнейшего развития каждого по-своему (Chase-Dunn, 1981).

Подобное видение «современной мировой системы» с приходом капитализма в XV и XVI столетиях было подвергнуто сомнению представителями другой школы исследования мировой системы. Гундер Франк и Гиллс (Frank and Gills, 1993) оспаривают уникальность процессов, происходивших в XV и XVI веках в Европе, выявляя то же деление на богатых и бедных посредством обмена ресурсами на протяжении пяти тысячелетий истории человечества. Гундер Франк (Frank, 1998) детально отслеживает этот процесс на материале ранней экономики азиатского региона. По мнению этой группы исследователей, опустивших термин «современная», процессы в мировой системе, о которых идет речь, могут иметь гораздо более раннее происхождение, чем полагал Валлерстайн – следовательно, нет особенного смысла в том, чтобы ставить во главу угла капитализм или «современ-

ные» проявления процесса. Называют они себя исследователями «истории мировой системы». В результате столкновения этих точек зрения возникла дискуссия и раскол внутри школы изучения мировой системы; я опускаю слова «современная» и «история» в знак признания достижений обеих групп.

Несмотря на все прочие разногласия, исследователи «современной мировой системы» и «истории мировой системы» соглашаются по двум принципиальным пунктам. Во-первых, в результате происходящих в мировой системе процессов обнаруживается, что мир не состоит из автономных национальных государств, всеми силами стремящихся к независимому развитию. Вместо этого мы имеем единое стратифицированное глобальное общество. Вершину его составляют развитые, богатые и процветающие общества, производящие продукцию на высоком техническом уровне. Эти общества представляют сильные государства, умеющие организовать использование ресурсов внутри и распространить свое влияние вовне. Они обменивают свою передовую продукцию на базовые товары, усиливая тем самым свое положение и способствуя своему продолжающемуся росту. С другой стороны, существует ряд периферийных обществ, поставляющих центру сырье и иногда дешевые товары. Их государства относительно слабы. Они могут иметь возможность держать свое население под контролем, но значительных ресурсов, которые позволили бы им развивать технологии или давать населению соответствующее образование, у них нет, как нет и возможности распространять свое влияние вовне. Периферические общества характеризуются бедностью и неравномерным распределением доходов. Их средства улучшения своего положения в мировой системе весьма ограничены. Жизнь в центре и на периферии различна, и социальные процессы в этих областях протекают по-разному.

Еще одна значительная позиция в мировой системе принадлежит среднему звену, полупериферии. Полупериферические государства бывают двух видов. С одной стороны, это те центральные силы, которые растеряли свои былые преимущества и теперь занимаются, в основном, вытягиванием ресурсов из своих прежних колониальных владений; с другой – это периферические государства, получившие каким-либо образом стратегическое преимущество или ценные ресурсы (например, нефть) и сумевшие извлечь из

этого выгоду для себя в мировой системе. Валлерстайн (Wallerstein, 1972) утверждает, что полупериферические государства играют принципиальную «политическую» роль в системе, являясь доказательством возможности развития на периферии, не имеющей желания продолжать играть свою традиционную роль. Политика в полупериферических областях сложна и находится в сильной зависимости от местной специфики, ресурсов и положения в данный момент. Как правило, полупериферических государств в системе немного, и они могут сильно различаться между собой (Arrighi and Drangel, 1986; Chase-Dunn, 1990). Принимая во внимание сложную природу и малое количество таких областей, мы обратимся к анализу центра и периферии.

Циклы мировой системы и гипотезы о терроре

Анализ мировой системы дает не одно объяснение дифференциации статусов центра и периферии. Там, где представители школы модернизации видели линейное развитие, приводящее к общему результату для всех принявших к исполнению определенный политический пакет, исследователи мировой системы видят набор решительно не линейных макросоциальных явлений, циклических по своей природе, подающих импульсы мировой системе и одновременно получающих их от нее. Сторонники современной мировой системы чаще всего говорят о двух типах циклов: циклах гегемонии и конкуренции и циклах экономического роста и спада. (Другие подходы разделяют циклы господства государства и рынка, капитала и труда. В этой работе я рассматриваю только общепринятые циклы.)

Исследователи современной мировой системы отмечают также постоянный рост количества предметов потребления, механизации и географическую экспансию. Исследователи истории мировой системы принимают циклы гегемонии/конкуренции и экономических подъемов/спадов, но предлагают смотреть на рост потребления, механизацию и экспансию шире и предположить их столь же циклическую природу. В данной работе мы не будем дискутировать по этому вопросу, но сосредоточим наше внимание на двух центральных циклах, признанных всеми исследователями мировой системы. Будут описаны основные черты обоих циклов, и для каждого будет сформулирована гипотеза развития терроризма.

Гегемония/конкуренция

Гегемония существенно отличается от доминирования. Доминирование есть превосходство в данной ситуации. Гегемония же является способностью устанавливать правила, определяющие глобальные взаимодействия. Сила гегемонии не обязательно одерживает победу при каждом отдельном взаимодействии, но постоянная выгода от правил, которые она вводит, возмещает ей временные потери. Валлерстайн (Wallerstein, 1983) определяет гегемонию как результат сельскохозяйственного, коммерческого/индустриального и, наконец, финансового доминирования. Государство с превосходством экономической и политической властей будет чтить принципы, предусматривающие свободный рынок (см. : Krasner, 1976, о свободной торговле) и мирные политические взаимодействия, так как эти условия предоставят гегемону наиболее выгодные условия. Жизнь в период гегемонии характеризуется политической стабильностью и упорядоченной рыночной конкуренцией. В разных регионах понятие стабильности будет иметь разный смысл. В богатых областях политическое равновесие и ровное функционирование межнациональных рынков предоставляют им возможность развития. В бедных регионах результаты будут неоднозначны, но то, что называют политической и экономической эксплуатацией, здесь останется, без сомнения, неослабевающим. Стабильность гегемонии – это закон.

Период гегемонии не длится долго. Процессы, ведущие к образованию гегемонии, ослабевают, а затраты на ее поддержание растут. Распространение технологий лишает глобальные ведущие сектора экономики, практически монополизированные гегемонами, прибыльности. Становятся обременительными социальные затраты, возрастающие в период гегемонии, чтобы поднять уровень жизни, откупиться от недовольных слоев и поглотить избыточный капитал (Arrighi, 1994). Таким же обременительным становится вызов глобальному порядку. Это особенно тяжело, так как страны-гегемонии стремятся увеличить пространство, какое они считают своим законным полем деятельности, до глобальных масштабов. Цена удержания этих позиций – покрытие военных расходов – начинает превышать выгоды, которые приносит ровно функционирующая система. Это тем более верно, что гегемонии включают в свои военные планы новейшие и, следовательно, наиболее дорогие технологии. Военные действия

становятся необычайно дорогостоящими в сравнении с затратами возможного агрессора.

Когда рушится глобальный порядок, распадается и общественный порядок гегемонии. Основные институты и социальные структуры уничтожаются, а средства, поддерживавшие систему, делаются недоступными. Уровень преступности и социальная дезорганизация растут.

Падение гегемонии обычно является окончательным, когда несколько стран приблизительно одинакового размера или силы начинают бороться за власть. Эта фаза конкуренции имеет свою собственную динамику (Thompson, 1999). Когда глобальная конкуренция характеризуется присутствием множества соперничающих участников, мировая политика испытывает нехватку компромиссных правил. Свирепое экономическое соревнование может привести к возникновению отдельных хищнических политик (например, меркантилистская тарифная структура или структура с отсутствием конкуренции). Конкурирующие блоки выдвигают свои системы льготных отношений и предпочтительную валюту. Политические интриги множатся, так как действия и контрдействия, направленные на расстройство оппозиции или извлечения мгновенной выгоды, становятся жизненно важны. Характер сотрудничества особенно нестойк, коалиции вступают в гонку вооружений и развязывают время от времени войны за обладание необходимыми ресурсами или за удержание с трудом взятых временных преимуществ.

Томпсон (Thompson, 1999) определяет движение от состояния, когда множество сил соперничает между собой, к системе биполярности, где два больших силовых блока противостоят друг другу, как одну из наиболее мощных движущих сил конкуренции. Два – и только два – противника рассматривают мир как игру с нулевым результатом, в которой каждое приобретение – потеря для противника, а каждая потеря – это выигрыш врага. Ставки кажутся выше, противник упорнее, а взаимодействия делаются все жестче и жестче. Идея «кто не с нами, тот против нас» становится ведущей. Не случайно президент США Буш охарактеризовал свою «войну с террором» именно этими словами.

Международная жизнь в период конкуренции полностью отличается от той, которая могла бы быть в условиях гегемонии. Соперничество усиливается, а сотрудничество слабеет. Конкуренция достигает кульминационного пика в условиях

биполярности, к которой стремятся страны, задействованные ранее во множественном противоборстве, а слабое, вынужденное сотрудничество между партнерами по блоку в течение этого периода возрастает.

Следовательно, цикл гегемонии состоит из четырех стадий, каждая из которых по-своему стимулирует развитие терроризма: гегемония, падение гегемонии, всеобщая конкуренция, биполярное противостояние. Уилкинсон (Wilkinson, 2000) доказывает, что гегемония отнюдь не неизбежна, а всеобщее соперничество и биполярность (или даже однополярность без гегемонии) могут сменять друг друга через значительные периоды времени перед установлением очередной гегемонии. Это, однако, не меняет мотивы использования террора в любой из стадий.

Гегемония и террор в центре. В периоды гегемонии неприкрытого насилия между главными действующими лицами мировой системы очень мало и экономические системы стремятся быть наиболее открытыми. Если формально в системе присутствует колониализм, центральные силы используют террор при необходимости и для поддержания порядка в своей сфере влияния. В других случаях они практически не используют тактику террора.

Гегемония, однако, провоцирует появление движений, направленных против нее. Такие движения могут базироваться как в центре, так и в периферийных областях. В условиях непомерной силы центральных государств, и особенно гегемона, войны и революции редки. «Правила игры» установлены так крепко, что ниш для мечтающих о другом типе взаимодействий остается немного. В результате группы недовольных (как внутри, так и вне центра), желающие сбросить власть гегемонии, будут, скорее всего, использовать террор для поражения центральных стран. Группы внутри ядра, систематически оказывающиеся в невыгодном положении, не смогут найти много мирных альтернатив для целенаправленных действий. Группы вне ядра вряд ли окажутся способны поддерживать широкую оппозиционную деятельность и потому образуют небольшие ячейки, которые смогут эффективно использовать практику террора. Мишенью этого террора станут страны, составляющие центр, и в первую очередь – гегемон.

В период заката гегемонии условия в центре и, в особенности, в государстве-гегемоне будут совершенно

иными. Антигосударственное насилие, включая террор, направленное на гегемона в период гегемонии, не сыграет значительной роли в его падении. Значимые процессы существеннее этого. Несмотря на это, направленный на гегемон террор может продолжаться. Что более существенно, социальный распад, который, скорее всего, постигнет центральные государства, включит в себя или породит элементы террора. Джонатан Фридман (Friedman, 1998, 2000) утверждает, что «сужение центра гегемонии, которое сопровождается подъемом новых центров в других географических регионах, является периодом политической и экономической фрагментации (увеличения конкуренции), но это также период как культурного обновления, так и уничтожения культуры целого» (Friedman, 1998: 234). Эта раздробленность крайне неблагоприятна. Децентрализация ведет к беспорядкам, возрастает уровень бедности, «трусобности», люмпенизации и социальных конфликтов. Такие процессы также связаны с распространением альтернативных видов идентификации. Формируются и закрепляются этнические, религиозные и «подклассовые» различия, усиливая социальный разлом.

Для Фридмана, убежденного сторонника «глобальной антропологии», результатом социального беспорядка становится и личностный беспорядок. Результатом является социальная «балканизация» и разрушение общества, «психический кризис» и распространение криминала. Это увеличивает межличностное и межгрупповое насилие и приводит как к его случайным всплескам, так и к направленным атакам, особенно в городах. Многие из этого может быть нацелено на «иноземцев». Открытость общества периода гегемонии уменьшается, появляется враждебность по отношению ко множеству иммигрантов (Friedman, 2000: 142-7; Rupert, 1997). Проявляется сопутствующая полицейская реакция, становящаяся жестче с ростом дефицита ресурсов, с которым сталкивается правительство в период падения доходов. Гегемония оборачивается против себя самой, и террор, который должен вызвать сильный страх и тем самым помочь достигнуть политических целей, играет здесь главную роль.

За распадом обычно следует развитие более стабильной общей конкуренции, и террор в центре стихает. Общество возвращается к равновесию, и новые глобальные столкновения, новые правила и новые враги за границей снижают

использование террора внутри. В этой фазе внутри самого центра находятся те, кто готов открыто вступить в конкурентную борьбу за установку правил игры. Здесь важен не столько террор, сколько способность расширить официальную власть за счет военных или дипломатических действий.

Всеобщая конкуренция ведет к образованию биполярной структуры. Ставки высоки, так как в войну будет вовлечено большое количество могущественных государств. Основные формы проявления насилия становятся неофициальными, и террор снова превращается в неотъемлемую часть стратегии центра. Игра с нулевым результатом является принципом биполярной политики. Каждая сторона видит в приобретении другой стороны ущерб для себя, и наоборот. Государственное финансирование террора становится нормой и для альянса центральных сил, и для соперничающей с ними периферии.

В центральных странах система становится скоро на расправу с любыми признаками инакомыслия, которые могут рассматриваться как помощь противнику. Психиатрические больницы бывшего СССР были домом для политических узников совести, а ФБР отказывалось соглашаться с фактом, что преступность в США может быть организованной, и концентрировало усилия на подавлении нелояльных политических групп (за права гражданина и человека, за охрану окружающей среды), что свидетельствует о репрессивной реакции властей на инакомыслие в период биполярности (более подробную информацию о репрессиях на местах см.: Solzhenitsyn, 1973, и Navasky, 1980).

Что касается государственной поддержки террора за рубежом, то возникающие «заказные» войны и «заказная» политика охотно принимают насилие в качестве тактики. Победа не рассматривается узко, как разрешение сложных политических проблем, но глобально – как победа одного лагеря над другим. Поэтому ресурсы, необходимые для совершения террористических актов (организация, обучение, вооружение), предоставляются центральными государствами. С доступностью внешних ресурсов необходимости сдерживать террор становится все меньше. Биполярная конкуренция создает «культуру террора» (Sluka, 2000), использование государственного террора становится приемлемым и нормальным. Центр становится главным источником террора в период биполярности.

Гегемония и террор на периферии. На периферии будет наблюдаться характерная террористическая деятельность, также имеющая в своей основе цикл гегемонии/конкуренции. В периоды гегемонии террор может возникать, когда гегемония или центр попытаются унифицировать системы управления, особенно в экономическом секторе. Общества, которым не удастся усвоить специфическую политику или которые нарушают данный набор правил игры, могут быть подвергнуты различным санкциям, вплоть до насильственных действий и террора. Вероятно также проявление террора, направленного из периферии на центр или гегемонию. Это будет общей реакцией на то, что называется навязыванием порядков метрополии там, где эти порядки нарушают или уничтожают существующий общественный строй. Сначала могут проявляться незначительные действия на местах, имеющие целью сохранение рода или определенных меньшинств группы, однако они усилятся в соответствии с давлением центра, требующего изменений. Иногда действия против центра или государства-гегемона могут происходить и на периферии, и в самом центре.

Период падения гегемонии, при котором террор становится составной частью беспорядков в центральной стране, описан выше. Регионы также не застрахованы от подобного процесса. Устоявшиеся законы и социальные отношения, принятая идеология, источники доходов, политическая и военная поддержка приходят в упадок и на периферии. Старые правители, зависимые от центральных стран, оказываются без патронажа и теряют свою власть, а еще недавно слабая оппозиция внезапно набирают силу. Реакция правящей группы может выразиться в терроре, в использовании ресурсов, предоставленных ранее патронами из центра, чтобы удержать власть. Такая реакция может оправдываться по-разному; как правило – действиями оппозиции. Движения масс, порожденные дроблением гегемонии, редко являются согласованными. Фридман (Friedman, 1998: 234, 240) предполагает, что «при разложении гегемонии разлагается и ее культура, давая дорогу неотрадиционализму <...> кризис в обществе порождает всевозможные виды внутренне насильственных явлений, таких, как колдовство и охота за головами <...>». Он заключает, что раздробленность, как процесс, не является мирным ни в центре, ни на периферии.

Когда падение гегемонии порождает общую конкуренцию, международные отношения превращаются в общий конфликт. Террор может быть использован различными силами центра в целях удержания своих подданных по всему миру, особенно если это касается колониализма. «Большая игра», как было названо это противостояние в начале XX века, включает в себя различные действия, которые могут быть отождествлены с террором, включая убийства неугодных политических противников на периферии. Анализ мировой системы, тем не менее, предсказывает, что настоящий террор подождет периода биполярности.

Биполярные конфликты тотальны. Ощущение «нулевого результата» и страх окончательного поражения закрывает глаза соперникам на объемы затрат и методы, которые они используют. Пока политические дебаты разгораются вокруг власти, биполярные системы проявляют чрезвычайную жестокость на периферии, где эти дебаты не имеют практического значения (так, холодная война с 1940-х по 1980-е годы, которая явно велась за доказательство превосходства режима, политической и экономической системы, преимущественно проводилась в колониях и странах третьего мира, где сущность собственности, производства и политики имела совсем другое значение, историю и смысл). Отсюда видно, что биполярное противостояние быстро вырождается в вопрос грубой силы: кто хозяин? Биполярность – состояние, при котором террор скоро начинает применяться для свержения оппозиционного режима или для гарантирования пассивности населения. Это хорошо отражено в имеющихся данных о государственном терроре. Хотя исследователи в большей степени интересовались всегда антигосударственным, а особенно международным террором, террор государственный – гораздо более масштабная и смертоносная форма насилия, какую когда-либо видел мир (Walter, 1969; Stohl and Lopez, 1984; Rummel, 1994; Sluka, 2000). Согласно уважаемой и, вероятно, весьма умеренной оценке (Rummel, 1994: 9, 1997), в течение XX века государственный террор отнял жизни порядка трехсот шестидесяти миллионов человек. И этот подсчет был произведен до произошедших в конце века событий в таких местах, как Босния и Руанда. Созданная центром «культура террора» учит исполнительности, предоставляет соответствующее обучение и создает условия, в которых массовые государственные репрессии возможны. Биполярность системы позволяет

государствам осуществлять широкомасштабный террор за ширмой «сфер влияния», которая защищает их от акций возмездия и укрепляет статус террора как признанного метода общественного контроля. Умножение средств свершения государственного террора и случаи его успешного применения служат примером и вдохновляют вероятных правителей будущего. Это обстоятельство и физическая опасность изучения государственного террора не облегчают проблему (см. Sluka, 2000: 23-4).

Экономические подъемы/спады

Литература, посвященная экономическим спадам и подъемам, обширна и включает в круг своих авторов представителей каждой идеологии и методологии. Два самых распространенных при анализе мировой системы объяснения этих процессов основываются на 1) противоречиях в процессе экономической экспансии и 2) модели инноваций/ насыщения рынка. Хопкинс, Валлерстайн и другие (Hopkins and Wallerstein, 1982: 113-14) произвели обзор литературы, посвященной циклам, сделав упор на возрастание противоречий внутри капиталистической экономики. С этой точки зрения, дорогостоящие товары (в центре) и дешевые товары или сырье (на периферии) циркулируют в единой глобальной системе. На первом подъеме, когда экономика выходит в новые регионы, распространение дешевых товаров или сырья периферии происходит быстрее, чем распространение дорогостоящей продукции центра. Условия торговли благоприятствуют товарам периферии, а затем уравниваются, когда перепроизводство дешевых товаров приводит к превышению предложения над спросом. Экспансия заканчивается. Это приводит также к классовой напряженности, перераспределению доходов и повышению спроса на различные потребительские товары. Увеличение спроса ведет к новой экспансии, в которой предпочтение отдается дорогостоящей продукции центра. Возросшие доходы уходят в потребление и, когда рост спроса заканчивается, наступает общий спад. Этим цикл заканчивается.

Другое видение цикла предлагает Шумпетер (Schumpeter, 1939). Следуя Кондратьеву (Kondratieff, 1925/1935), он искал объяснение природы экономики в инновациях. Новая продукция и промышленные инновации привлекают внимание инвесторов. Приток капиталов позволяет осуществить даль-

нейший технический подъем и внедрение продукта, процесса или изобретения в экономику. Такое внедрение повышает продуктивность во многих отраслях, что делает возможным экономический подъем. Растет производительность, и значительную прибыль приносят практически любые инвестиции. Когда прогресс распространяется на всех, доходность падает и инвесторы делаются осторожными. Ослабление инвестирования, наряду с насыщением системы данным изобретением, в конце концов приводит к экономическому спазму, когда инвесторы начинают отводить свои средства. Доходы падают по мере того, как снижаются темпы технологического роста и прекращаются финансовые вливания предыдущего периода. Темпы экономического роста замедляются. Учащаются банкротства, что ведет к повышению уровня безработицы. Пока страны пытаются минимизировать ущерб, может развиться инфляция или понизиться уровень товарооборота; возможно снижение производства, ужесточение протекционизма в торговле или монетаристской политики. С наступлением полного возвращается некое подобие равновесия. Инвесторы, сохранившие свои средства в период спада, снова будут искать выгодных вложений. Их внимание могут привлечь потенциально выгодные нововведения, пока одно из них решительно не проявит себя, и цикл начнется снова.

Социальные, политические и экономические условия во время роста в корне отличаются от условий периода кризиса или упадка. В центре подъем создает новые рабочие места, что иногда приводит к дефициту на рынке труда и повышает уровень ставок. Внедрение новшеств и спрос на рабочую силу толкает рыночную экономику на не занятые прежде пространства. Сельские местности, где существует недостаточная занятость населения или перспективы развития сомнительны и где нововведения помогут значительно сэкономить на рабочей силе, могут ощутить сильный отток населения. Города же будут процветать, а технологии – совершенствоваться. Период экономического подъема в центре – прекрасное время для развития архитектуры и искусств (Arrighi, 1994), реализации социальных программ по борьбе с бедностью. Периоды спада характеризуются кризисами трудоустройства, сокращением финансирования социального развития и искусства; растет общественное недовольство и необходимость жестких мер. Хопкинс и Валлерстайн видят здесь классовый конфликт, ведущий к увеличению затрат на рабочую силу в этот период,

хотя не все подобные конфликты быстро заканчиваются торжеством работников.

Страны периферии испытают на себе примерно то же. Те страны, которые обладают ценными природными ресурсами или населением с достаточно высоким уровнем образования и дисциплины, получают в процессе общего подъема низкоуровневые производственные механизмы. Рыночные условия сделаются явно выгодными для производителей сырья. В период завершения подъема страны, располагающие умелой и дисциплинированной рабочей силой, ощутят значительный приток инвестиций в производство. Пфайстер и Сьютер (Pfister and Suter, 1987) показывают, как широкомасштабное субсидирование периферии, основанное на ожидаемом доходе от экономического подъема, ведет к дефолту в наступающем периоде спада. Задолженности такого уровня могут привести к вмешательству внешних сил (Lipson, 1985). Во время последнего финансового кризиса банки и международные организации непрерывно реструктурировали и продлевали подобные долги, вместо того чтобы допустить окончательное падение разорившейся страны. Результатом было избежание официальной несостоятельности и способность продолжать международную коммерцию (не говоря об избежании банкротства банками центра), но цена оказалась высокой. Долгосрочные займы, отток капитала и давление МВФ привели к закрытию многих государственных программ по здравоохранению, образованию, минимальной защите от бедности. Займы, взятые странами, чтобы улучшить инфраструктуру промышленных компаний, выплачивались в результате из средств бедного населения, которое никогда не получало выгод от этой инфраструктуры или от создания рабочих мест (Landy, 1990). Последовавшие восстания, репрессии и военные перевороты включали в себя применение террора.

Экономические циклы и этнические конфликты. Экономические подъемы и спады являются основными причинами межэтнического насилия; это тип конфликта, в котором террор играет, к несчастью, особенно большую роль. Ранние работы, посвященные этническому насилию, так же, как и весьма распространённые современные представления, объясняют это простым существованием этничности. Там, где вынуждены сосуществовать две различные группы, повод для насилия найдется. Это объяснение – чрезвычайно скудное, поскольку большинство сосуществующих этнических групп поддерживало

мирные отношения в течение длительного времени. Теории, объясняющие этническое насилие любым постоянным фактором, таким, например, как само существование наций или психологическая необходимость в чувстве превосходства группы, недостаточно убедительны. Минус подобных теорий в том, что такие факторы существуют всегда, как в периоды мира, так и во время войны (Denemark, 1994).

Чтобы объяснить периодичность этнического насилия, необходимо осмыслить два процесса: стремление общества углубить национальное разделение труда и тенденцию глобальных экономических процессов по-разному относиться к разным отраслям (а следовательно, и к разным слоям населения, задействованным в них) экономики.

Национальное разделение труда известно в центре, а на периферии оно является принятой нормой. Люди, принадлежащие к одной этнической группе, пытаются освоить одну и ту же профессию. Это подтверждается несколькими фактами. Наплыв представителей одной этнической группы в период основного подъема или роста конкретной индустрии может сверх меры увеличить их представительство в конкретном секторе экономики. Стоимость принятия (обучение, стажировка и т. д.) может быть уменьшена для тех, кто имеет отношение к уже нанятым. Колониальный фаворитизм (или отсутствие такового) может диктовать, кто будет задействован в конкретном торговом секторе, кто сможет работать на определенных работах, кто получит доступ к образованию, кто будет работать на государство, а кто – на себя. Независимо от причин, во многих странах, особенно на периферии, имеется сильная связь между определенными этническими группами и определенными отраслями экономики (Denemark, 1995: 101-3; Simons, 1999: 9).

В такой ситуации, если удача отвернется от каких-то отраслей, это может повлечь за собой нагнетание враждебности между жителями региона, так как теперь их разделяют этнические и экономические границы. Холл (Hall, 1998) утверждает, что в современном мире это почти норма. Политические единицы крупнее, чем этнические, и часто включают в себя множества национальных меньшинств. Страны, тем не менее, провозглашают свое «национальное» единство и основывают требования суверенитета на своем уникальном «национальном» статусе. Поскольку претензии на легитимную суверенную власть основаны на статусе

«национальных» единиц, постольку существование неудовлетворенных этнических меньшинств, по сути своей угрожающих целостности нации, кажутся особенно пугающими.

Этническое насилие в центре и на периферии. Насилие в таких условиях проявляется в различных формах, но всем им присуща одна и та же динамика. Когда у одной группы дела идут хорошо по сравнению с другой и эта группа хотя бы частично подвержена этноэкономической обособленности, она может охарактеризовать свое отличие как этническое. В центре конкуренция приводит к снижению заработной платы и ухудшению уровня жизни, а за этим, в свою очередь, следует обострение расистских чувств, антииммигрантские выплески, мольбы о защите от иностранных конкурентов всех мастей (Tehrani, 1988: 292). Если глобальный экономический подъем на периферии окажется более благоприятным для промышленности, чем для фермерских хозяйств, а в промышленной цепочке окажутся задействованы люди, причисляемые к какой-либо этнической группе, то не получающие в этой ситуации выгоду фермеры отождествят эти признаки. Такие настроения могут подпитываться политическими лидерами, сводящими необходимость перемен к национальному вопросу и подвергающими сомнению законность того, что доход получает меньшинство (см. : Denemark, 1992 и 1996, об этом процессе в шри-ланкийской политике). Превосходство одной группы над другой при этом вовсе не должно существовать на самом деле. В периоды экономического спада утративший свое значение статус большинства может быть навязан какой-либо небольшой группе, занятой совершенно другой (тоже неприбыльной) деятельностью – чтобы снять ответственность с руководства. Так, экономический закат Северной Ирландии может быстро обернуться враждебностью протестантов по отношению к католикам, особенно когда спад затрагивает католиков, задействованных в менее привлекательных отраслях экономики, позже, чем протестантов. Периоды экономического спада порождают всплески насилия, направленного на католиков, даже тогда, когда обе группы населения одинаково страдают.

Насилие, приписываемое этническим различиям, может иметь и другой спусковой механизм. Экономическая дифференциация служит здесь мощным побудительным мотивом. Подобная дифференциация может происходить в любое время, но она особенно вероятна в эпохи экономических

перемен. Циклические подъемы и спады экономики, выявленные анализом мировой системы, идеально для этого подходят. Взаимодействия высоких и низких расценок, подчеркнутые Хопкинсом и Валлерстайном, являются великолепным катализатором битв, ведущихся на периферии между производителями пищевых продуктов и экспортерами, между интересами горожан и интересами сельских жителей. Все конфликты могут быть отождествлены с этническими. Такой же эффект будет наблюдаться при подъеме и последующем спаде в центральном ведущем секторе. Инновации же, о которых говорят Кондратьев и Шумпетер, более показательны в отношении центра, чем периферии, поскольку ведущие экономические сектора принадлежат к центру. Позднейший подъем, отдающий низкоуровневое производство периферии и заканчивающийся долгами и дефолтом, тоже становится благодатной почвой для враждебности, обвинений и демагогии.

От этнического насилия к террору. Почему «этническое» насилие быстро становится на путь террора? Во-первых, конфликты такого типа стремятся к игре с нулевым результатом. Выигрыши одной стороны называют потерями другой даже тогда, когда это не так. Во-вторых, «этнические» черты и особенности якобы видны невооруженным глазом. По ряду признаков человек может быть охарактеризован как принадлежащий к определенной группе. Эти признаки не обязательно будут реальными физическими отличиями. Современные показатели принадлежности к этносу зачастую сконструированы, ситуативны или даже основаны на выгоде (Hall, 1998: 257). В Руанде, месте действия последнего «этнического» геноцида, хуту и тутси мирно прожили бок о бок 600 лет, вступая в браки друг с другом и имея общую религию; говорят, они отличаются по росту. Физических различий не остается. По всей вероятности, сомнительная «древняя этническая ненависть» основана на колониальных идентификационных карточках, введенных бельгийскими властями в 1930-х годах; этнический статус определялся на основании таких «признаков», как количество голов домашнего скота (Uvin, 1998: 16-18). Но даже такие скромные различия, как пара сантиметров роста, в сочетании с другими показателями – такими, как способ зарабатывать на жизнь, – могут быть преобразованы в «этнические признаки»; последствия смертоносны.

Третья причина, по которой этническое насилие склонно переходить к террору, заключается в том, что идентификация какой-либо группы как «этнической» и враждебной автоматически делает всех ее членов потенциальными мишенями. Подавить тех членов группы, которые могут представить реальную конкуренцию, недостаточно. «Победа над такой группой требует устранения всех, кто является носителем ее характерных черт, вне зависимости от того, пользуются они оспариваемыми привилегиями или нет» (Simons, 1999: 11). Террор – эффективный метод спровоцировать добровольное бегство, а любая форма систематического насилия, направленного на детей, больных, стариков, граничит с террором. Ну и, наконец, выживание слоя населения из дома открывает перед оставшимися слоями значительные экономические возможности. Политические течения могут обогатиться за счет собственности меньшинства, а освободившееся место (в городской или сельской местности) послужит вознаграждением непосредственным участникам и очевидцам.

И центр, и периферия подвержены экономическим циклам подъемов и спадов, и любое общество, в котором есть этническое разделение труда (реальное или воображаемое), может в конце концов оказаться ареной конфликтов и террора. Таков результат экономических перемен. Перемены могут происходить всюду, где рыночные условия подвергаются существенным изменениям, особенно в переломных точках большого экономического цикла, которым занимается анализ мировой системы. Террор – это прискорбный побочный продукт политического выражения ритма этого цикла.

Заключение

Анализ мировой системы весьма полезен для изучения проблемы терроризма. Он предоставляет динамическую модель социальных процессов, проливает свет на виды, типы и периодичность напряженных положений, приводящих к террористическим акциям. Существуют свидетельства в поддержку этих взаимосвязей, но сейчас лучше рассматривать их как набор гипотез для дальнейшего изучения. Изучение покажет, до какой степени анализ мировой системы может помочь нам в понимании разрушительного пути терроризма.

Библиография

- Amin, S. 1973. *Neo-Colonialism in West Africa*. New York: Monthly Review Press.
- 1974. *Accumulation on a World Scale*. New York: Monthly Review Press.
- Amsden, A. 1997. *The State and Taiwan's Economic Development* in G. Crane, A. Amawi (eds.) *The Theoretical Evolution of International Political Economy*. New York: Oxford University Press: 193-207.
- Arrighi, G. 1994. *The Long Twentieth Century*. London:Verso.
- Arrighi, G., J. Drangel. 1986. *Stratification of the World-Economy: An Explanation of the Semiperipheral Zone*, "Review" 10:1: 9-74.
- Boansi, K.O., R. Denemark. 1999. *Notes Toward the Settling of an Old Wager: Lessons Learned from Ghana and Cote d'Ivoire*, "Humboldt Journal of Social Relations" 25:2: 1-41.
- Chase-Dunn, C. 1981. *Interstate System and Capitalist World Economy: One Logic or Two?*, "International Studies Quarterly" 25:1: 19-42.
- 1990. *Resistance to Imperialism: Semiperipheral Actors*, "Review" 13:1: 1-31.
- Denemark, R. 1992. *Democracy and the World System: The Political Economy of Sri Lanka's Vicious Electoral Cycle* in C. Polychroniou (ed.) *Perspectives and Issues in International Political Economy*. Westport CT: Praeger: 191-213.
- 1994. *Toward a Theory of Ethnic Violence*, "Humboldt Journal of Social Relations" 20:2: 95-120.
- 1996. *Globalization and Ethnic Violence: Lessons from the Periphery of the World System* in E. Lee, W. Kim (eds.) *Recasting International Relations Paradigms*. Seoul: Korean Association of International Studies: 25-48.
- 1999. *World System History: From Traditional International Politics to the Study of Global Relations*, "International Studies Review" 1:2: 43-75.
- 2000. *Cumulation and Direction in World System History* in R. Denemark et. al. (eds.) *World System History: The Social Science of Long-Term Change*. London: Routledge: 299-312.
- Denemark, R., H. Lehman 1984. *South African State Terror: The Costs of Continuing Repression*, in M. Stohl, G. Lopez (eds.) *The State As Terrorist*. Westport CT: Greenwood Press.

- Denemark, R., K. Thomas 1988. *The Brenner-Wallerstein Debate*, "International Studies Quarterly" 32:1: 47–65.
- Denemark, R., M. Welfling 1988. *Terrorism in Sub-Saharan Africa*, M. Stohl (ed.) *The Politics of Terrorism*, third edition. New York: Marcel Dekker: 445–495.
- Frank, A. G. 1967. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*. New York: Monthly Review Press.
- 1978. *World Accumulation, 1492-1789*. New York: Monthly Review Press.
- 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.
- Frank, A. G., B. Gills (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Friedman, J. 1994. *Cultural Identity and Global Processes*. London: Sage.
- 1998. *Transnationalization, Socio-political Disorder, and Ethnification as Expressions of Declining Global Hegemony* "International Political Science Review" 19:3: 233–250.
- 2000. *Concretizing the Continuity Argument in Global Systems Analysis* in R. Denemark et. al. (eds.) *World System History*. London: Routledge: 133–152.
- Fromkin, D. 1975. *The Strategy of Terror*, "Foreign Affairs" 53:4: 638–698.
- Gurr, T.R. 1988. *Political Terrorism in the United States: Historical Antecedents and Contemporary Trends* in M. Stohl (ed.) *The Politics of Terrorism*. New York: Marcel Dekker: 549–578.
- Hall, T. 1998. *The Effects of Incorporation into World-Systems of Ethnic Processes: Lessons from the Ancient World for the Contemporary World*, "International Political Science Review" 19:3: 251–267.
- Hopkins, T., I. Wallerstein et al. (eds.) 1982. *World-System Analysis: Theory and Methodology*. Beverly Hills CA: Sage.
- Kondratieff, N. 1925/1935. *The Long Waves in Economic Life*, "Review of Economic Statistics" 17:6: 105–115.
- Krasner, S. 1976. *State Power and the Structure of International Trade*, "World Politics" 28 (April): 317–347.
- Landy, T. 1990. *From Miracle to Crisis: Brazilian Foreign Debt and the Limits of Obligation*. Washington DC: Institute for the Study of Diplomacy, Georgetown University.
- Lipson, C. 1985. *Standing Guard: Protecting Foreign Capital in the 19th and 20th Centuries*. Berkeley CA: University of California Press.

- Mickolus, E., T. Sandler, J. Murdock 1989. *International Terrorism in the 1980s*. Ames IA: Iowa State University Press.
- Navasky, V. 1980. *Naming Names*. New York: Viking Press.
- Pfister, U., C. Suter 1987. *International Financial Relations as part of the World-System*, "International Studies Quarterly" 31:3: 239-272.
- Rummel, R.J. 1994. *Death By Government*. New Brunswick NJ: Transaction Publishers.
- 1997. *Statistics on Democide: Genocide and Mass Murder since 1900*. New Brunswick NJ: Transaction Publishers.
- Rupert, M. 1997. *Contesting Hegemony: Americanism and Far-Right Ideologies of Globalization* in K. Burch, R. Denemark (eds.) *Constituting International Political Economy*. Boulder CO: Lynne Rienner Publishers: 113-138.
- Schumpeter, J. 1939. *Business Cycles*. New York: McGraw-Hill.
- Simons, A. 1999. *Making Sense of Ethnic Conflict*, "Studies in Conflict and Terrorism" 22:1: 1-17.
- Sluka, J. 2000. *Death Squads*. Philadelphia PA: University of Pennsylvania Press.
- Solzhenitsyn, A. 1973. *The Gulag Archipelago*. New York: Harper and Row.
- Stohl, M. 1988. *Demystifying Terrorism: The Myths and Realities of Contemporary Political Terrorism* in M. Stohl (ed.) *The Politics of Terrorism*, third edition. New York: Marcel Dekker: 1-28.
- Stohl, M., G. Lopez (eds.) 1984. *The State As Terrorist: The Dynamics of Governmental Violence and Repression*. Westport CT: Greenwood Press.
- Tehrani, M. 1998. *Pancapitalism and Migration in Historical Perspective*, "International Political Science Review" 19:3: 289-303.
- Thompson, W. (ed.) 1999. *Great Power Rivalries*. Columbia SC: University of South Carolina Press.
- Uvin, P. 1998. *Aiding Violence: The Development Enterprise in Rwanda*. West Hartford CT: Kumarian Press.
- Wallerstein, I. 1974. *The Modern World-System I*. New York: Academic Press.
- et al. 1996. *Open the Social Sciences*. Stanford CA: Stanford University Press.
- 1972. *Three Paths of National Development in Sixteenth-Century Europe*, "Studies in Comparative International Development" 7 (Summer): 95-101.

- 1983. *The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy*, "International Journal of Comparative Sociology" 24:1/2.
- Walter, E.V. 1969. *Terror and Resistance: A Study of Political Violence*. London: Oxford University Press.
- Wilkinson, D. 2000. *Civilizations, World Systems and Hegemonies* in R. Denemark et al. (eds.) *World System History*. London: Routledge: 54–84.

С английского перевела М. Микаелиан
(Перевод не авторизованный)

Статья из сборника: "The European Union in the World System Perspective", Ryszard Stemplowski (ed.), *Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Warszawa 2002, s. 47–68.*